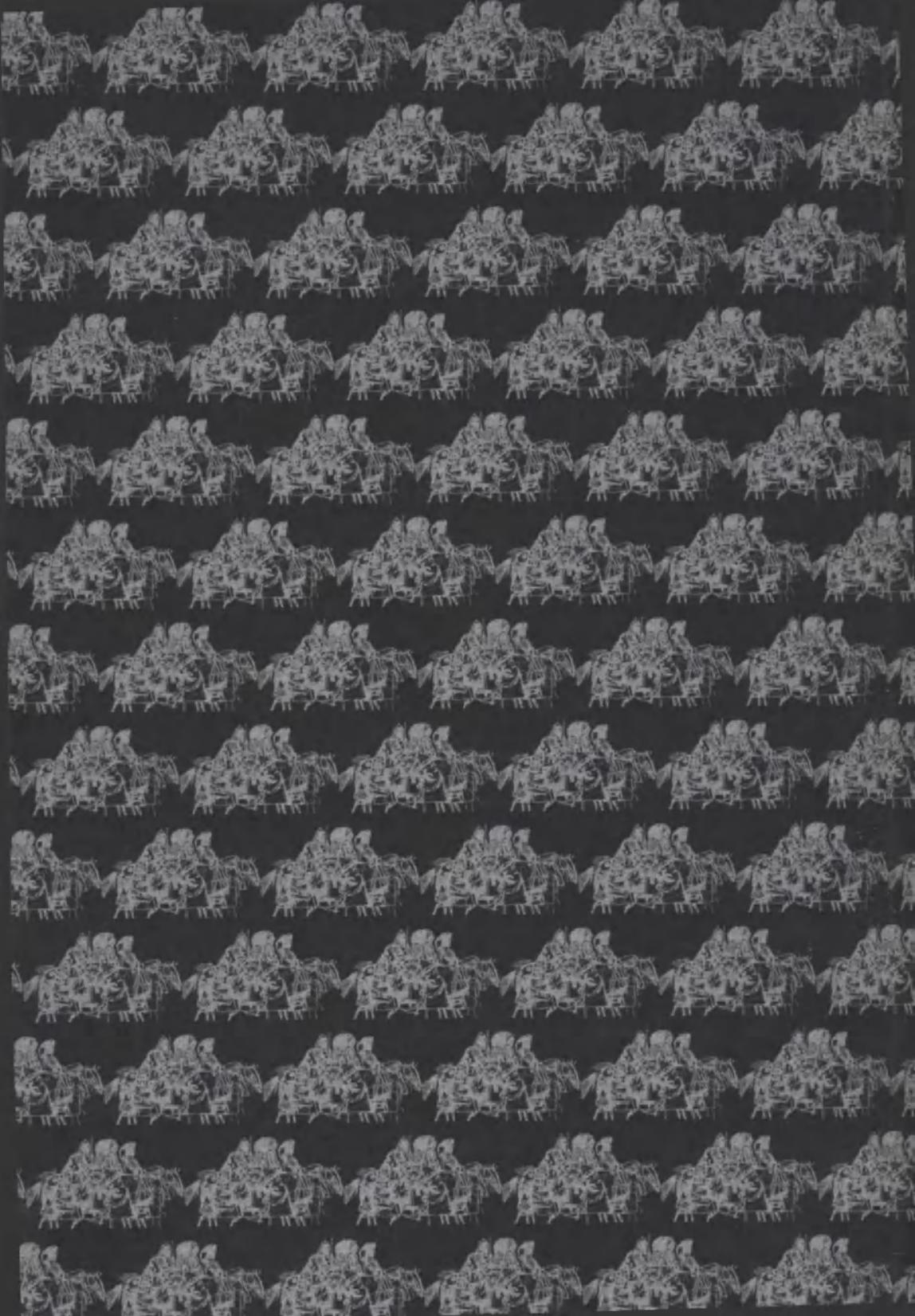

**ЖЕСТОКИЙ
ВЕК**

Исай Калашников

Исай Калашников

ЖЕГОККИ
ВЕЖ

Исай Калашников

ЖЕСТОКИЙ ВЕК

ИСАИ КАЛАШНИКОВ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва 2010

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К17

Калашников И.К.
К17 Жестокий век. Роман. – М.: ОАО «Типография «Новости», 2010. – 976 с., илл.

ISBN 978-5-88149-438-4

Роман Исяя Калашникова «Жестокий век» – широкое художественное полотно, выдержанное в традициях русской реалистической прозы. Оно воссоздает красочную картину жизни монголов в конце XII – начале XIII века. В центре романа образ Тэмуджина, вошедшего в историю под именем Чингисхан.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Галерея «Ханхалаев» сердечно благодарит
за помощь в издании данной книги:
Калашникову Екатерину Викторовну
Котова Станислава Вячеславовича
Левинзона Иосифа Липатьевича
Имееву Наталью
Петрова Валерия Георгиевича
Петрову Ирину Александровну
Телерадиокомпанию «Ариг Ус»

БАНК ВОСТОЧНЫЙ

Художник Зорикто Доржиев

На обложке – графическая работа Зорикто Доржиева «Битва»(2009),
которая хранится в библиотеке Конгресса США.

ГЛАВНЫЙ
ХАНХАЛАЕВ

www.khankhalaev.com

ISBN 978-5-88149-438-4

ISBN 978-5-88149-438-4

9 785881 434384

© ООО «Галерея Ханхалаев», 2010

Екатерине Викторовне

С Ужасом от Зарята.

Большая честь получить от вас
другую книгу о Великой Стене!

17.08.10 Зарята
Дурманов

Книга первая ГОНИМЫЕ

Небо звездное, бывало,
Поворачивалось –
Вот какая распря шла
Всенародная.
На постель тут не ложились,
Все добычей поживлялись,
Мать широкая земля
Содрогалась –
Вот какая распря шла
Всеязычная.

(«Сокровенное сказание»
Монгольская хроника, 1240 г.)

**ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ**

I

Полный возок, запряженный двумя волами, медленно двигался по степи. За возком шагала подседланная лошадь.

Над выжженной зноем степью висело горячее солнце. Разморенные жарой, волы шли, понуро опустив головы, над их мокрыми спинами кружилась мошка, под колесами сухо шелестели стебли ковыля – дэрсуна.

Оэлун сидела в задке повозки. По ее лицу, детски округлому, катились капли пота и падали на подол шелкового халата – ее свадебного наряда. Глаза Оэлун были широко открыты, но она не видела ни серых метелок дэрсуна, ни одинокого облачка над степью, не чувствовала зноя, – она была далеко отсюда, там, где у светлого озера стояли юрты ее отца, где остались мать и братья, ее детские игры и забавы.

На ее проводы собрались многие соплеменники – олхонуты. Пели песни, шутили, состязались в остроловии, всем было весело, ей тоже: она всегда любила праздники, а это был ее праздник – в ее честь, в честь ее жениха слагали песни и пышные юролы – благопожелания. Ее сородичи славились веселым нравом, песнями и красавицами девушками. За много дней пути, порой даже с берегов неведомого Байкала, порой от Великой стены – предела царства китайского Алтан-хана, – приезжали к ним за невестами...

Первый день пути прошел незаметно. Она вспоминала прощальный пир, про себя напевала сложенные в ее честь песни, украдкой посматривала на своего жениха. Он был ей по душе, ее Чиледу. Высокий, крепкий, лицо открытое, приветливое; такой, она знала, зря не обидит и в обиду не даст.

Этот день был для Оэлун как бы продолжением праздника. Но вечером, когда они остановились на ночлег и Чиледу велел ей приготовить ужин, она как-то сразу, в одно мгновение, осознала крутую перемену в своей жизни, поняла, что покинула родной нутуг – кочевье – не на день, не на два – навсегда. Ей стало так тоскливо, что, позабыв про ужин, она села на землю, закрыла лицо руками и горько заплакала. Чиледу удивленно заморгал глазами, наклонился над нею,

— **В**озблагодарим животворящие силы неба и земли, духов, охраняющих нас! Сегодня благоволением вечного неба, общим согласием народов, живущих в войлочных юртах, вручаем судьбу нашего великого улуса благословенному Тэмуджину. Его, повергшего возмутителей покоя, поправшего горделивых ханов и гурханов, нарекаем Чингисханом — владетелем мира, ханом великим, всемогущим, всевластным.

Придерживаясь руками за широкий золотой пояс, туго стянувший длинный снежно-белый халат, медленно, чуть горбясь и тяжело ступая, Тэмуджин поднялся на верхнюю ступеньку возвышения. Джамуха стоял на коленях между двумя кешиктенами, гнул голову, смотрел на анду ненавидящими глазами. Всех растоптал своими гутулами, все захватил в свои загребущие руки..

— Небо даровало мне силу, возвысило мой род на вечные времена...

Голос Чингисхана звучал негромко, но был хорошо слышен. Вначале Джамуха не мог вникнуть в то, что он говорил. Но понемногу успокоился, и стало понятно, что хочет внушить своим подданным Чингисхан

Небо повелело мне править вами. Перед ним и только перед ним я в ответе за все.

Ого, вот на какую высоту вознесся! — думал Джамуха. — А не упадешь?

«Есть авторы, которые не жалеют труда, чтобы и изучить историю тех стран, о которых пишут. Роман Исая Калашникова «Жестокий век» об эпохе Чингисхана написан человеком не только талантливым, но и эрудицированным».

Лев Гумилев